

первый принцип, — по алмашному качеству, существующим алма
исторические **Сенсашии**
ата карти в етато шинала ниспидомоа, ния нисиди

РУССКОЕ ИГО

или

НАШЕСТВИЕ УШКУНИКОВ НА ЗОЛОТУЮ ОРДУ

Попытка первого владыки «Богемии» и в «Богемии»
чужака, — ценою его стала жизнь, — человека, кита,
и

Вадим Леонидович Телицын
Русское иго, или Нашествие
ушкуйников на Золотую Орду
Серия «Исторические сенсации»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17693567

Русское иго, или Нашествие ушкуйников на Золотую Орду: Алгоритм; Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0358-6

Аннотация

В спор сторонников и противников татаро-монгольского ига включился известный автор-историк Вадим Телицын, который представляет свою версию отношений Руси с Золотой Ордой. В ней нет места забитой и обескровленной Руси, стонущей под игом «злых татар». Наоборот: новгородские ушкуйники гуляя вдоль по Волге, регулярно грабят ордынские города и громят отряды татар, а хан Золотой Орды пишет жалобы князю Московскому с просьбами утихомирить разгулявшуюся русскую вольницу. Книга основана на исторических фактах, документах и летописях.

В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

От автора	5
Русские пассионарии	7
Господин Великий Новгород	18
Князь Бравлин – первый ушкуйник	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вадим Телицын

Русское иго, или Нашествие ушкуйников на Золотую Орду

© Телицын В. Л., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

*Ушкуйник – речной разбойник; новгородские ушкуйники, шайки
удальцов, пускались открыто на грабеж и привозили добычу домой,
как товар...*

Владимир Даль

От автора

История России удивительна, и по своим поворотам, и по своим событиям, и, главное, по своим последствиям. Это в полной мере можно сказать об истории русского землепроходства, которое на начальном своем этапе приобретала формы вольницы (вошло в историю как феномен «ушкуйничества»).

Так уж сложилось, что Россия – страна необъятных территорий, и для Средневековья поиски новых земель оказывались делом обычным. Необычным было то, что землепроходство приобретало характер не чисто географический, а военно-политический, воспринимается как русская историческая доминанта...

И в результате землепроходство первых веков существования России вылилось в непростую историю, в которой перемешалось все – и войны, и открытия, и предательства, и убийства из-за угла, и взаимовыручка, и чудесные спасения, и то, что потом пытались объяснить в своих трудах Лев Гумилев и его последователи.

Об ушкуйниках сказано и написано очень много. Но как-то все в разнобой, нет целостной картины. Пишут о каких-то отдельных фрагментах: об ушкуях, о вооружении, о ряде удачных и неудачных походов, о вятском периоде ушкуйничества, мельком почему-то – о начале Новгородского периода в истории этого русского феномена.

Нет работ с анализом причин появления ушкуйничества, хотя есть прекрасный исследовательский материал о «Господине Великом Новгороде», с помощью которого не так сложно понять, «откуда есть пошла» шагать по Руси ушкуйская ватажка.

Нет практически работ, посвященных вождям ушкуйников (исключение составляет жизнь Анфала Никитина – конечно, ярчайшего представителя ушкуйнического движения, но далеко не единственного). Нет, наконец, работ, раскрывающих внутренний мир ушкуйника (а стоило только обратиться, например, к такому образу, как Василий Буслаев). Я уж не говорю о тех вожаках ушкуйников, кто хоть и «засветился» в истории, но дальше летописных сводов не ушел...

Мало мы знаем и о том, во что вылилось – уже в XV столетии – ушкуйничество, и какими были последствия его почти шестивековой истории.

В общем, лакуны, лакуны, и еще раз лакуны...

Конечно, и мы не претендуем на всеохватывающую картину. Мы постараемся свести воедино имеющиеся в наличии источники, сопоставить их с тем, что уже было наработано нашими предшественниками, и дать возможность читателю взглянуть на историю ушкуйничества с различных ракурсов, в том числе и с чисто литературного, даже можно сказать больше – с поэтического: вирши А. Толстого и В. Луговского об ушкуйниках прекрасно вплетаются в общую ткань нашего повествования об ушкуйничестве. Иными словами, ушкуйничество как феномен волновало не только историков, что-то было такое, что подогревало интерес... Наверное, не только «удаль молодецкая»...

Особое внимание мы обращаем на Полное собрание русских летописей – удивительный источник, но так до конца и не востребованный исследователями средневековой Руси. А жаль!

Конечно, язык русских летописей очень сложен для восприятия, но сколько они содержат информации! Да, бесспорно, те летописные своды, которые на сегодняшний день есть в нашем распоряжении – копии с копий (что обуславливает появление новых и новых ошибок). Но они, летописи, остаются для нас важны как источник. Они, по сути, сами свидетели давно ушедших эпох.

Таковыми же свидетелями могут стать и берестяные грамоты, и они сохранили сам дух эпохи «Господина Великого Новгорода» и людей, его населявших...

Источники сохранили для нас факты, события, имена. Нам же остается все свести воедино...

Когда работаешь над исторической книгой (объединившей в себе многогранную историю) или отдельным сюжетом, независимо от степени ее научной освещенности и важности рассматриваемых проблем, о которых говоришь сам, в ней обязательны сюжет, схема, конструкция повествования. Бывает, что сама проблема уже самодостаточна для построения конструкции.

История более иных наук связана с течением реки времени. И потому временной стержень – основа каждого исторического исследования...

Русские пассионарии

Ушкуйники – древнее, загадочное название из самых глубин русской истории.

Кто они? Кем они были?

Их называли разбойниками, пиратами Северной (Новгородской) Руси¹. Но величать их пиратами совершенно некорректно, неправильно, поскольку цель ушкуйников – не только разграбление морских и речных торговых караванов, городов и сел противника, но и сопро-
вождение торговых судов, разведка во время военных действий, освоение новых земель и дорог, защита собственной земли.

В работах, увидевших свет в 1960–1970-х годах, возобладала тенденция рассматри-
вать ушкуйничество как своеобразную форму новгородской колонизации или как средство
борьбы с политическими и торговыми противниками республики, а его историю ограничи-
вать XIV – началом XV столетий, так как «слово «ушкуй» якобы впервые встречается в лето-
писях под 1320 год, а термин «ушкуйники» – под 1360 год, причем в XV столетии они выхо-
дят из употребления»².

В той же самой литературе указывается, что ватаги ушкуйников набирались боярами,
однако состав этих ватаг определяется по-разному: по мнению В.С. Румянцевой, они фор-
мировались «из лиц без определенных занятий»³, а по мнению другого исследователя – глав-
ным образом из «нормальных» горожан и земледельцев. При этом он зачисляет в историю
ушкуйничества лишь те случаи, когда поход предпринимался «без слова новгородского»,
то есть без официального разрешения⁴.

* * *

Ушкуйников еще звали *повольниками* (то есть скучающими по воле). Повольник –
вольный, свободный человек, свободный от власти, от другого человека – более удачливого
и расчетливого, от каких-либо обязательств (и даже общепринятых правил). Хотя и бессреб-
реником ушкуйника то же не назовешь. Ушкуйник, как и всякий человек, был слаб, слаб
на злато и серебро, на «мягкую рухлядь» (пушнина) и разнообразное барахлишко, которое
можно было добыть посредством меча и ножа. А вольность жизни, отсутствие сдерживаю-
щей власти и породили в Новгороде (и на северо-западе Руси вообще) явление, неизвестное
в других местах, – повольничество.

А вот еще одно объяснение. Ушкуйник – вольный человек, входивший в вооруженную
дружину, снаряжавшуюся новгородскими купцами и боярами, разъезжавшую на ушкуйях
(лодках) и занимавшуюся торговым промыслом и набегами на Волге и Каме, на северных
реках – в Новгородской и Вятской землях.

¹ Пираты – морские разбойники. Слово «пират» (*лат.* pirata) происходит, в свою очередь, от греческого – «пробовать, испытывать». Таким образом, смысл слова скорее – «пытающий счастья». Согласно этимологическим данным, граница между профессиями мореплавателя и пирата была зыбкой всегда. Это слово вошло в обиход примерно в IV–III веках до н. э., а до того применялось понятие «лэйстэс», известное еще древним грекам и тесно связанное с такими явлениями, как гра-
беж, убийство, добыча.

² Цит. по: Усенко О. Г. О сущности и хронологических рамках ушкуйничества // Прошлое Новгорода и Новгородской
земли. Материалы науч. конф., 11–13 ноября [1999 г.]. Великий Новгород, 1999. Ч. 1. С. 48–49.

³ Румянцева В.С. Ушкуйники // Историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. Стб. 923.

⁴ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961.

* * *

Как считает современный исследователь, «...следует вспомнить структуру новгородского войска в XII–XV веках. Основу его составляло ополчение «рубленая рать»; оно собиралось путем «разруба» воинской повинности среди простолюдинов – свободных горожан и сельчан. Другими составными частями вооруженных сил [Новгородской] республики были дружины князя⁵, бояр и наиболее богатых купцов, «владычный полк», а также войско из «охочих людей» («охотников»), т. е. добровольцев, ушедших на войну сверх «разруба»; последние, как правило, воевали в пехоте и передвигались на судах. Судя по всему, именно «охочими людьми» были летописные «молодцы новгородские» и «люди молодые», которых историки отождествляют с ушкуйниками. Обратим также внимание на то, что в середине XIV – начале XV веков походы ушкуйников организовывались, как правило, боярами, причем подобные предприятия новгородские власти если не поощряли, то и не запрещали. Даже если «молодцы» выступали, «не послушав Новаграда», санкции против них не применялись. Можно полагать, что сходное отношение к походам «солдат удачи» имело место и в более раннее время. В таком случае ватага ушкуйников – это официально сформированный отряд «охочих людей» во главе с представителями знати, который полностью автономен в своих действиях и передвигается на гребных судах; цель их походов – снискать славу и богатство за пределами Новгородской земли»⁶.

С этими определениями вполне можно согласиться, поскольку они отражали сущность ушкуйничества, хотя и несколько ограничено.

«Во главе Новгородской феодальной республики, – обобщал А. В. Арциховский, – стояли феодалы, владельцы огромных вотчин и профессиональные полководцы. Летописи много говорят о военной деятельности всех новгородских посадников и многих других бояр».

Оставим в стороне определения, подобные этому – «феодальная республика», и попробуем с помощью исследования известного отечественного историка и археолога, знатока средневекового Новгорода, разобраться с особенностями вооруженных сил русского Северо-запада.

«Новгородское войско было сильным войском. Исследование найденного при раскопках многочисленного оружия произвел А. Ф. Медведев, доказавший высокий для того времени уровень военной техники. Она находилась в Новгороде на общеевропейском уровне и была основана на местном производстве⁷. Особо надо отметить, что при новгородских раскопках часто встречаются куски доспехов пластинчатых и кольчужных. О широком распространении на Руси пластинчатых доспехов до этих раскопок не было известно археологам. По массовому применению и высокому качеству боевой одежды можно лучше всего судить о развитии военного дела»⁸.

Вооруженные силы Новгородской республики формировались из ее граждан. Административное деление Новгорода одновременно служило и военным целям. В случае войны

⁵ В XI и в начале XII века Новгород был монархией. Он стал республикой в 1136 году. Но князь оставался номинальным главой государства. Лет полтораста после этого существовал строй, лучшим выражением которого являются слова посадника Твердислава: «А вы, братье, в посадничестве и в князех волны есте» (1218 г.). Так продолжалось до конца XIII века. В начале XIV столетия Новгород уже обходится без собственных князей, ограничиваясь признанием суверенитета великого князя.

⁶ Усенко О. Г. Указ. соч. С. 49–50.

⁷ См.: Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. № 65.

⁸ Арциховский А. В. Новгород Великий по археологическим данным // Новгород: К 1100-летию города. М., 1964. [Электронный вариант.]

мобилизация производилась на базе концов, улиц и сотен. Для ведения боевых действий городские районы выставляли воинские формирования во главе со своими командирами. Вооруженные силы Господина Великого Новгорода назывались «тысячей». Командовал ими «тысяцкий». Иногда функции главнокомандующего мог исполнять и посадник.

В случае серьезной опасности на воинскую службу призывалась вся боеспособная часть мужского населения Новгорода и его волостей. Если такой необходимости не было, то производилась частичная мобилизация⁹.

Мнение о том, что новгородскими полками всегда командовали князья, широко распространено и переходит из одного исследования в другое. Но так ли это? Исследования такого признанного авторитета в области средневековой истории Великого Новгорода, как А. В. Арциховский, говорят совсем о другом.

«Вопреки утверждениям многих историков, – акцентирует внимание Арциховский, – новгородским войском командовали не князья, а посадники. Летописных свидетельств об этом множество»¹⁰.

На протяжении всей своей истории Господин Великий Новгород неоднократно вступал в конфликт с разными русскими князьями. Когда дело доходило до вооруженного противостояния, немногие из этих князей осмеливались вступать в бой с новгородским войском, которое возглавляли его собственные военачальники. Русские князья хорошо знали силу новгородской рати и военное искусство новгородских воевод.

Надо отметить, что русские князья со своими дружинами, принимавшие приглашение Новгорода, не были наемниками, воевавшими ради денег. Рюриковичи не торговали своим мечом. Они являлись защитниками Руси и воевали за Новгород как за часть русской земли. Князья и их дружинники были профессиональными воинами, но получали содержание и вознаграждение от Новгорода именно как защитники общей для всех Родины.

«Дружина во главе с князем была частью вооруженных сил Новгородской республики, – отмечает современный исследователь. – Княжеская дружина, говоря современным языком, являлась воинским соединением быстрого реагирования. Она находилась в постоянной боевой готовности. Главная задача дружины состояла в отражении внезапного нападения противника и сдерживании врага до подхода основных сил»¹¹.

Здесь все же необходимо одно замечание. Наличествующие источники дают право говорить, что Новгородская республика могла позволить себе и нерегулярные воинские подразделения, может быть близкие к тому, что во Франции, например, много веков спустя называли Иностранным легионом. В этих новгородских нерегулярных воинских подразделениях служили не только сами новгородцы (хотя их скорее всего было большинство и они составляли командный костяк), но и жители иных регионов и городов Руси. Новгород был не бедным городом и мог себе даже оплачивать расходы по содержанию такого рода подразделений, пока политическая обстановка не требовала привлечения их «к делу».

Откуда же, что и почему привлекало в эти подразделения (или «ватажки», как кому нравится)?

* * *

«Вольность жизни, отсутствие сдерживающих элементов власти, постоянная борьба партий – все это порождало в Новгороде особый класс, который не приписывался к какой-либо общине (как этого требовали новгородские установления для гражданской полноправ-

⁹ Тулунов В. Г. Русь Новгородская. М., 2010. [Электронный вариант.]

¹⁰ См.: Арциховский А. В. Новгород Великий по археологическим данным // Новгород: К 1100-летию города. М., 1964.

¹¹ Тулунов В. Г. Русь Новгородская. М., 2009.

ности) и был в руках сильных, богатых людей орудием смуты. Власти стремились освободиться от подобных буйных элементов населения и указывали им дело – расширять пределы Новгорода; землевладельцы и промышленники пользовались ими как защитниками своих интересов от разных инородцев; чаще всего, впрочем, они сами, на свой страх и риск, совершали разбойничьи экспедиции, главным образом на восток, с целью нажиться»¹².

В этом толковании нельзя согласиться только с одним словом – «класс», речь идет, конечно же, о социальной группе, неустойчивой, порой трудноопределимой по каким-либо особым критериям, но существующей и имеющей свою очень интересную историю.

А вот что писал историк В. Н. Бернадский: «Коренные изменения в политической жизни Восточной Европы в конце XV в. были подготовлены существеннейшими сдвигами в хозяйственном развитии Великороссии. Эти сдвиги нигде в Великороссии не выступают с такой ясностью, как на Новгородской земле, экономическое развитие которой в XV в. может с полным основанием быть охарактеризовано как переворот, приведший к глубокому экономическому, а позднее и политическому кризису Господина Великого Новгорода».

До кризиса, правда, еще было далеко, по крайней мере, во время появления ушкуйников...

«Новгородская республика к тому времени владела не только частью Восточной Прибалтики, но и Восточной Финляндией, где жили финские племена емь и карелы. Карелы платили Новгороду дань и входили в состав новгородского ополчения; вместе с тем они вели самостоятельную политику, хотя, как правило, оставались в русле политики новгородской. В то время карелы занимали большую территорию, чем сегодня, и их основные поселения располагались в районе нынешнего Выборга и на Карельском перешейке.

Важно подчеркнуть различие между новгородской политикой и политикой других европейских стран. Новгород, облагая соседние народы данью и обеспечивая безопасность на торговых путях, не вел практически миссионерской деятельности, которая вообще для православной церкви менее типична, чем для католической. Народы, подвластные Новгороду, оставались в массе своей языческими, что новгородцев не смущало. В этом была сила Новгорода, так как малые народы Прибалтики зачастую охотно шли на союзы и даже на подчинение новгородцам, которые не вмешивались в их внутренние дела. Но здесь таилась и слабость, так как, не имея идеологических связей и не утверждая среди своих вассалов сети священников, Новгород в периоды ослабления не мог удержать эти народы под своим контролем. Власть же католических завоевателей была много прочнее: воинственная верхушка племен уничтожалась, население обращалось в христианство и ставилось под контроль католической церкви – создавалась куда более совершенная, чем в Новгородской республике, система подчинения»¹³.

Но можно ли назвать отсутствие миссионерства слабостью? Думается, что нет. Во-первых, и православие несло свои идеи к «нехристям», а, во-вторых, миссионерство может проявляться в различных формах, совсем не обязательно только в виде проповеди.

* * *

В. Н. Бернадский, однако, продолжает: «Первые признаки кризиса Новгорода ясно выступают в том движении, которое можно назвать «ушкуйничеством» в точном историческом смысле этого слова. Подчеркивая историчность ушкуйничества как социально-политического движения, мы порываем с широко утвердившейся в исторической литера-

¹² Г. А. Ушкуйники // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. [Электронный вариант.]

¹³ *Можейко И. В.* 1185 год (Восток-Запад). М., 1989. С. 372–373.

туре традицией чрезвычайно расширять хронологические рамки этого явления. Трактовка ушкуйничества, как явления, присущего новгородской жизни с древнейших времен вплоть до XV века, связана с характерной для многих исследователей истории Новгорода тенденцией рассматривать его внутренний строй как неизменный, неподвижный, по сути дела застойный. При такой постановке вопроса, рассматривающей вкуче все походы новгородских молодцев в далекие страны (...), они (эти походы) выступают как проявление новгородского духа, ищущего «раздолья, простора, подвигов, за пределами Новгородской земли»¹⁴.

Это позиция Бернадского, мы же на основании собственных исследований считаем, что хронологические рамки ушкуйничества нельзя столь искусственно снижать (учитывая, что само явление развилось гораздо раньше, чем получило свое определение).

Повольничество-ушкуйничество для другого знатока средневековой истории России – И. Д. Беляева – «чистый продукт новгородской жизни»; в нем находит выход для своей энергии «буйная и неугомонная новгородская молодежь, которая не знала, куда деваться со своею силою и молодечеством, все те, у кого душа просилась на волю погулять по белому свету». (Родители охотно отпускали своих детей ушкуйничать и сложили пословицу: «Чужая сторона прибавит ума».)

Правда, Беляев с этим психологическим (я бы сказал более емко – бихевиористическим) объяснением ушкуйничества пытается связать и экономические причины «удалых походов» ушкуйников. Он пишет: «По минованию разгульного возраста, наскучивши буйством... (ушкуйники) как люди бывалые или сами начинали торговлю на свои капиталы, может быть собранные из добыч, приобретенных во время удалых походов, или делались помощниками старших, водили их караваны в новгородские земли»¹⁵.

Несколько неубедительно, но вполне подпадает, как раньше бы сказали, «под формулу о «первоначальном накоплении капитала».

Дальше этого общего размышления по «возрастной психологии», навеянного, конечно, наблюдениями над нравами московских купцов XIX в. и их приказчиков, Беляев не идет, оставляя описываемое им явление необъясненным. Мало продвинули вопрос об ушкуйниках и позднейшие исследователи, обычно относившие начало ушкуйничества к самым ранним временам новгородской истории.

А. С. Лаппо-Данилевский характеризовал ушкуйничество как заключительный этап истории новгородской колонизации, как вырождение военно-финансовой колонизации¹⁶.

Действительно, имеются все основания, как это будет показано ниже, отделить походы второй половины XIV и начала XV в. от более ранних, как особый и весьма существенный этап в истории новгородских ушкуйников. Правда, Бернадский замечает: «спрашивается, однако, насколько оправданным является отнесение именно к этому этапу наименования «ушкуйничество». Сужение значения термина «ушкуйничество» оправдывается терминологией источников (летописей), которые пользуются им только в узком, хронологически ограниченном, вполне определенном смысле»¹⁷.

¹⁴ Костомаров Н. И. Северно-русские народоправства. Времена удельно-вечевое уклада (Новгород и Псков) // Костомаров Н. И. Сочинения. СПб., 1863. Т. 2. С. 119.

¹⁵ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1861. Кн. 1. С. 97–103.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за IX–XV вв. СПб., 1895. С. 13.

¹⁷ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961. [Электронный вариант.]

* * *

Еще раз повторим: ушкуйники представляли собой нерегулярные вооруженные формирования Великого Новгорода. Им поручались изучение территорий и населяемых их племен, сбор дани с обширных северных и северо-восточных владений Новгорода, захват того или иного укрепленного форпоста противника, разведку (порой – разведку боем), поиск новых речных и пеших путей, – все это должно было способствовать и расширению границ Новгородской республики и укреплению ее авторитета. Часто они явно превышали полномочия, действуя по своему почину.

Ушкуйники, по мнению ряда исследователей, – это русский вариант варягов и викингов. Так, М. М. Богословский видел в ушкуйничестве первоначальную форму новгородской колонизации Севера и готов был сблизить ушкуйников с норманнами времен викингов.

«Первоначальной распространительницей новгородского владычества на Севере, – замечал он, – надо считать вооруженную промышленную ватагу ушкуйников, очень напоминавшую подобные же нормандские ватаги под предводительством викингов»¹⁸.

Существует и иное мнение, которое, правда, зачастую оспаривается. Согласно ей, ушкуйники осуществляли защиту Новгородских земель. К такому выводу можно прийти, если обратить внимание на летописные тексты о походе ушкуйников против шведов и ливонцев.

* * *

Но откуда пошло это очень звонкое прозвище – «ушкуйники»? Да еще с не менее звонкими именами: Гюрята, Жила, Анфал, Олюша, Власий, Федец, Острог, Бориско, Дмитрок, Микитица, Онцифер, Лука, Семенец, Григорь, Степанец, Савица, Чешко¹⁹?

По рекам и морям новгородские повольники двигались на парусно-гребных судах – «ушкуях», за что и получили свое имя.

Российско-германский филолог Макс Фасмер, например, считал так: слово «ушкуй» произошло от древневепского слова «лодка»²⁰.

Суда могли быть названы и по имени полярного медведя – «ушкуя» или «ошкуйя». «Ошкуй» – морской, ледовитый, северный, белый медведь. Это название было у поморов в ходу еще в XIX в.

И норманны называли свои боевые суда «морскими волками». На высоком носу ушкуя красовалась резная голова медведя.

А в новгородской былине в описании корабля героя русских былин Соловья Будимировича сказано: «На том было соколе-корабле два медведя белые заморские»²¹.

Обычно ушкуй строился из сосны. Киль его вытесывался из одного ствола и представлял собой брус, поверх которого накладывалась широкая доска, служившая основанием для поясов наружной обшивки. Она скреплялась с килем деревянными стержнями (гвоздями), концы которых расклинивались.

Морские ушкуи (в отличие от речных) имели плоскую палубу только на носу и корме. Средняя часть судна (около трети длины) оставалась открытой (туда под палубу клали груз-

¹⁸ См.: Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере. М., 1909. Т. I. С. 2.

¹⁹ Ларин О. Взял я ветер и пошел в лето // Вокруг света. 1993. № 3; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. [Электронный вариант.]

²⁰ Vasmer M. Beiträge zur historischen Volkerkunde Osteuropas. Berlin, 1936. Bd. 4. S. 12.

²¹ См.: Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. М., 1977.

балласт для большей устойчивости в морской воде). Грузоподъемность их составляла 4–4,5 т. На внутреннюю обшивку опирались шесть или восемь скамей для гребцов. Благодаря малой осадке (около 0,5 м) и большому соотношению длины и ширины (5:1), судно обладало сравнительно большой скоростью плавания. Как морские, так и речные ушкуи несли единственную съемную мачту, располагавшуюся в центральной части корпуса, с одним косым или прямым парусом. Навесных рулей на ушкуи не ставили, их заменяли кормовые рулевые весла.

Речные ушкуи отличались своей конструкцией от морских не только наличием сплошной палубы. Так, по мнению ряда историков, речные ушкуи представляли собой лодки вместимостью до 30 человек. Киль был широким и плоским. Одинаково изогнутые носовая и кормовая балки соединялись с килем деревянными гвоздями или в потайной шип. Корпус набирался из тесаных досок. Планширь (деревянный брус с гнездами для уключин, идущий вдоль борта лодки и прикрывающий верхние концы шпангоутов) отсутствовал. В зазор между обшивками вставляли клинья-кочеты, которые служили опорами для весел. Утолщенные последние пояса наружной и внутренней обшивок обеспечивали достаточную прочность борта при возможном abordage или при перетаскивании ушкуя через переволоку.

Речной ушкой имел длину 12–14 м, ширину около 2,5 м, осадку 0,4–0,6 м и высоту борта до 1 м. Грузоподъемность достигала 4–4,5 т. Укрытый ни в носу, ни в корме на ушкуе не было. Благодаря симметричным образованиям носа и кормы ушкой мог, не разворачиваясь, моментально отойти от берега, что приходилось часто делать при набегках. При попутном ветре ставили мачту-однодревку с прямым парусом на рее. Для его подъема верхушка мачты снабжалась нащечинами. Простейший, без блоков, такелаж крепился за скамьи, а носовая и кормовая растяжки – на соответствующих оконечностях. Весла в местах соприкосновения с обшивкой обтягивали толстой кожей»²².

Ушкой чередовался в летописях со словом «насад». Российский историк А. И. Никитский неоднократно подчеркивал: «Многоразличны названия, которыми характеризовались в древности эти суда: лодь, лодья, лойва, насад, ушкой, последнее из этих судов, ушкой, равнозначное, как кажется, с насадом... было у охотчих людей самым любимым»²³.

Но все же между ушкой и насадом были некоторые различия. Летописные своды и иные источники содержат упоминание об одновременном участии в походе и ушкуев, и насадов.

Ушкуи, в отличие от насадов, были легче, поэтому они были удобны для дальних походов, и их можно было перетащить из одной речной системы в другую. А насады – крупнее и тяжелее, но более удобны (да и безопасней) для плавания по большим половодным рекам. И вмещали они в свое «чрево» гораздо больше бойцов, чем ушкуи.

Первое упоминание слова «ушкой» зафиксировано в древне-шведской «Хронике Эрика» (см. о ней ниже) за 1320–1321 годы. в рассказе о событиях на Ладожском озере – «usko» вместе с его синонимом «hara» (сравни современное финское «haario» – «челн из осины»).

И. И. Срезневский указывал на следующие варианты: «ушкуи» – 1320 год, «ускуи» – 1418 год, «оскуи» – 1473 год, «скуи» – 1463 год, «ушкуль» – 1553 год. В последний раз слово «ушкой» мелькнуло в XVI столетии, – на них плавали татары под Астраханью²⁴, пока последняя не пала под ударами Ивана IV.

²² См.: Захаров А. Ушкой – байдара Средневековья // Сборник краеведческих материалов. Киров, 1991; Климов А. А. Речной ушкой.

²³ Никитский А.И. Военный быт Великого Новгорода // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 17; См.: Его же. История экономического быта Великого Новгорода, М., 1893.

²⁴ См.: Срезневский И. И. О древнем русском языке. СПб., 1856.

Еще одно толкование – по названию правого притока реки Волхов – реки Оскуй, где новгородцы и строили свои лодки – «оскуй», «ошкуй» или «ушкуй».

* * *

Современные историки справедливо отмечают, что «Великий Новгород на протяжении всей своей истории был портом четырех морей: Балтийского, Черного, Белого и Каспийского. С ними его связывали речные пути. Новгородцы по рекам добирались до этих морей и на своих судах бороздили их воды. Иностранные купцы, используя те же речные пути, посещали Новгород. Новгородская республика являлась морской державой, имевшей свой торговый и военный флот.

По мнению ряда историков, многие достижения цивилизации русские освоили только благодаря императору Петру Великому. В числе таких достижений значится и военно-морской флот. До сих пор экскурсоводы показывают в музее города Переславль-Залесский ботик Петра I, именуя его первым русским кораблем. Это несправедливо с исторической точки зрения, русские за несколько столетий до рождения Петра Алексеевича уже обладали на Балтике собственным военным флотом, который по мощности не уступал флотам соседних прибалтийских держав²⁵.

В области судостроения новгородцы следовали прежним навыкам, имевшимся на Руси, но их суда были уже более совершенными. Они обладали большей вместимостью, имели палубы и были более мореходными. При постройке своих судов новгородцы заимствовали все полезное у норвежцев, шведов и других народов. Речные суда, как правило, были плоскодонные, морские – и плоскодонные, и остродонные²⁶.

Новгородцы немало заимствовали из скандинавского судостроения. Однако некоторые новгородские корабли по своей конструкции и технике производства не имели в мире аналогов. Оригинальное новгородское судостроение сохранялось до середины XVII века. Павел Алеппский²⁷, посетивший Новгород в 1656 году, писал: «В этой земле суда не сбиты деревянными гвоздями, а сшиты веревками из липовой коры, как шьют шелковые и иные одежды, – искусство, поражающее ум изумлением. Хвала Богу!»²⁸

На Крайнем Севере новгородские мореходы не знали себе равных. Кроме них, мало кто отваживался плавать в студёных морях»²⁹.

Проникновение новгородцев-ушкуйников на север и северо-восток Руси происходило в связи с развитием морских промыслов, рыбной ловли, охоты на морского зверя и поисками серебра и драгоценных камней. Имеются достоверные сведения о том, что в самые отдаленные времена новгородцы плавали не только у берегов Белого моря и Ледовитого океана, но и в открытом море. В XV веке они ходили на острова Колгуев, Новую землю, бывали на архипелаге Шпицберген, плавали к берегам занесенной снегом Норвегии. Между новгородцами и норвежцами велась морская торговля, а иногда между ними происходили и боевые стычки, сопровождавшиеся набегами с моря (норвежцам не раз приходилось бросать свои приморские селения и уходить в глубь материка). Торговые дела того времени нередко

²⁵ См.: Мавродин В. В. Русское мореходство на Балтийском море в XIII–XVI вв. // Ученые записки Ленинградского государственного университета: Сер. истор. наук. 1956. Вып. 24; Клейнберг Н. Э. Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443–1448 гг. // История СССР. 1958. № 4.

²⁶ Найда С. Ф. К вопросу о древнем мореходстве новгородцев // Новгород: к 1100-летию города. М., 1964. С. 59–60.

²⁷ Алеппский Павел (ок. 1627–1669) – архидиакон Антиохийской православной церкви, путешественник, писатель.

²⁸ Алеппский Павел. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. С. 457.

²⁹ Тулунов В. Г. Указ. соч. М., 2009.

были сопряжены с военными. Иначе говоря, каждое торговое судно являлось одновременно и военным, приспособленным для обороны и нападения³⁰.

* * *

«Главным источником наших сведений о средневековой Руси до сих пор остаются летописи. Однако интерес летописца всегда был избирателен. Его внимание привлекали яркие события – объявление войны, заключение мира, смерть князя, выборы епископа, сооружение храма, эпидемия, эпизоотия, явление кометы, затмение солнца... Медленные процессы общественного развития, хорошо видные только на расстоянии, его не интересовали, отчего Средневековье часто представляется чрезмерно стабильным. К тому же самый древний летописный текст относится к началу XII века, события VIII–XI столетий описаны в нем на основании главным образом устных рассказов и припоминаний. Сам же этот текст сохранился в рукописях XIV и XV веков, будучи не раз редактирован. Существуют важные для понимания прошлого древние законодательные памятники, но их нормы, естественно, малоподвижны, отражают порой исходную, а не реальную ситуацию»³¹.

Как отмечали исследователи, термин «ушкуйники» на страницах летописей встречается весьма редко. В первой Новгородской летописи его вовсе нет, так же «ушкуйники» не встречаются и в Псковских летописях³². Но по этим источникам все же нельзя судить о том, новгородского ли происхождения слово «ушкуйники» или нет.

Как здесь не вспомнить Н. И. Костомарова:

«Новгородские летописи представляют как будто какое-то оглавление утраченного летописного повествования; так коротки и отрывочны местные известия, в них сохранившиеся, и, признаюсь, как-то странно слышать проповедуемые некоторыми почтенными исследователями и усвоенные учителями в школах глубоко письменные наблюдения над развитием новгородских общественных начал соразмерно переворотам и движениям удельного русского мира, – когда на самом деле тут можно судить только развитии новгородских летописей, а никак не новгородской жизни.

Но о судьбе северо-восточного русского мира этой Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской страны в ранние времена нашей истории не осталось даже и такого оглавления, и это тем досаднее, когда знаешь, что именно тогда-то в этом крае и образовалось зерно Великорусской народности, и тогда-то пустила она первые ростки того, что впоследствии сделалось рычагом соединения и всего русского мира и залогом грядущего обновления всего славянского.

Ее таинственное происхождение и детство облечено непроницаемым туманом»³³.

Чаще всего термин «ушкуйники» встречается в московских летописях и ростовского происхождения, особенно в «Рогожском летописце» и Симеоновской летописи³⁴.

И лишь в четвертой Новгородской летописи говорится об ушкуйниках³⁵.

Из чего следует, что «в ватагах ушкуйников были не только новгородцы, но и устюжане, вологжане, вятичи, карелы, вепсы, смоляне, тверичи и москвичи (о подобном «интер-

³⁰ Найдя С. Ф. К вопросу о древнем мореходстве новгородцев // Новгород: к 1100-летию города. М., 1964. С. 59–60.

³¹ Янин В. Л. Археология и исследование русского Средневековья // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 10. С. 918.

³² См.: Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000; Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1–2. Псковские летописи. М., 2000–2003.

³³ См.: Костомаров Н. И. Две русские народности (Письмо редактору) // Основа. СПб., 1861. № 3.

³⁴ См.: Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. Рязань, 2000.; Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.

³⁵ Кочин Т. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.-Л., 1937. С. 378.

национале» мы уже говорили). Так же как варяги, викинги и прочие бандиты, ушкуйники были людьми без национальности. Ушкуйники предпочитали быть вольными людьми и подчинялись выборным вожакам, которые часто назывались воеводами. Купцы и князья обеспечивали ушкуйников оружием и финансами, естественно, входя в долю при дележе добычи. В этом случае ушкуйники выступали как наемники»³⁶.

Но откуда нам еще есть возможность черпать информацию?

* * *

Как отмечал знаток новгородской истории А. В. Арциховский, количество исторических источников по Средневековью еще недавно представлялось большинству историков величиной неизменной.

Хроники, акты и другие письменные материалы, сохранившиеся в старинных архивах и библиотеках, во всех странах Европы давно учтены и описаны, а на новые открытия подобных материалов не приходилось надеяться: все хранилища хорошо исследованы. На археологические раскопки никто не возлагал особых надежд. Значение вещественных источников для истории Средних веков долго недооценивалось историками, а находки в земле новых письменных источников были, казалось, за пределами возможности. Исключением являлись лишь каменные надписи; но такие надписи в средневековых слоях встречаются значительно реже, чем в античных, и они в Средние века были сравнительно коротки.

Все же именно изучение Античности указывает для медиэвистов возможности новых открытий. Большие раскопки античных городов позволили изучить по остаткам зданий и вещевым находкам быт, культуру и хозяйство древних людей с такой полнотой, которая прежним ученым показалась бы недостижимой.

Средневековые города могут быть изучены столь же подробно. Открытия египетских папирусов неизмеримо увеличили количество письменных источников по эллинистическому и римскому Египту. Но средневековые аналогии папирусам были до последних лет неизвестны.

В России летописи, грамоты и другие письменные источники XI–XV веков, сохранившиеся в архивах и библиотеках, давно приведены в известность и к настоящему времени изданы довольно полно. Большие археологические раскопки средневековых русских древностей начаты были еще в XIX веке, но до революции сводились главным образом к раскопкам курганов, что дало много ценных выводов по исторической географии и хронологии. Раскопки русских средневековых городов начались в советское время. Самые большие раскопки производятся в Новгороде.

Такое предпочтение Новгорода объясняется прежде всего его историческим значением.

Это был важнейший политический, экономический и культурный центр, своеобразная феодальная республика, город Садко и Василия Буслаева, город воинов, отразивших нашествие немецких рыцарей, город великих художников, создавших несравненные иконы и фрески.

К счастью для науки, в земле Новгорода хорошо сохраняется дерево, во многих других городах истлевающее бесследно. Поэтому дома, мастерские, лавки, пристани, дворцы, улицы всех эпох – все это цело в Новгороде под землей, хотя бы в плане, все это из области сказочной романтики может и должно перейти и уже переходит в область науки. Деревянная обстановка этих зданий тоже цела. Наряду с древесиной в Новгороде хорошо сохраняются

³⁶ См.: Галантин А. В. Волоки Северо-Восточной Европы // Вселенная живая. Владивосток, 2009. URL: <http://jupiters.narod.ru/volok.htm>

древесный луб и кора, в том числе береста, что и открыло теперь совершенно новые научные возможности»³⁷.

* * *

Этот краткий терминологический и источниковый экскурс и сухая академическая риторика не дают нам возможности взглянуть на фактическую историю. А она насчитывает не одну сотню лет, множество событий, фактов, имен...

Но прежде – о самом Новгороде, без краткого экскурса по которому невозможно двигаться дальше по истории всей северо-западной Руси.

³⁷ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1956. Т. 1. С. 7.

Господин Великий Новгород

Господин Великий Новгород и ушкуйники – два неразделимых понятия...

Город Великий Новгород, расположенный по течению реки Волхова в двух верстах от его истока из озера Ильменя, разделялся на две половины или стороны: Торговую на восточном и Софийскую на западном берегу Волхова.

Первая также имела название Купецкой, потому что там сосредоточивалась торговля; вторая называлась еще Владычней, ибо там жил новгородский владыка.

Центром города был Детинец, или собственно град, на Софийской стороне. Это было просторное место, обнесенное стеной с башнями и воротами. Внутри находилась патрональная церковь святой Софии премудрости Божией и двор владыки. Кроме того, было там еще несколько церквей, судебная изба и дворы, построенные улицами, как это показывает существование Бискуплей (епископской) улицы.

Детинец новгородский был обширнейший между подобными срединными укреплениями русских городов. Неизвестно, с какого времени стены Детинца стали каменными – частично, и также неизвестно, с какого времени они стали каменными на всем протяжении, и до каких пор были частью каменные, а частью деревянные. В летописях говорится о заложении каменного города в 1302-м. Но в третьей летописи новгородской первое построение каменных стен Детинца приписывается Ярославу Мудрому и относится к 1044 году, после того как этот князь организовал поход на Литву.

Последнее известие не лишено вероятности. В начале XII века уже пригород Ладога был обведен каменной стеной; естественно допустить, что главный город не лишен был таких укреплений, какие имел пригород, и, следовательно, построенные в начале XIV века каменные стены не были первыми на своем месте. После 1302 года два раза говорится о построении каменного города Детинца. Под 1333 годом говорится, что владыка Василий сделал каменный город в два лета, а под 1400-й опять упоминается о заложении Детинца от церкви Бориса и Глеба. Может быть, это были перестройки и поправки.

В 1334 году над всей стеной сделана была кровля. На воротах, в каменных банях устраивались церкви. Так, архиепископ Иоанн в 1182 году поставил на одних из ворот Детинца церковь Богоявления; в 1296 году владыка Климент соорудил на других воротах каменную церковь Воскресения. В следующем – 1297 году – была выстроена церковь Преображения на воротах, откуда был въезд в Людин конец, на юг. В 1305 году построена церковь Василия на Прусских воротах на западе.

Обычай строить «на городских воротах» церкви совпадал с понятием о важности и святине города. Город – место защиты против врагов, должен быть всегда готов к отражению нападений и нуждался в Божией помощи. Церкви на входах города как бы осеяли его небесной благодатью. Город был местопребыванием владыки и духовного управления всей новгородской земли. Город был глава земли; его первоначальное значение было то, что в нем должны укрываться жители в случае неприятельского нашествия; город был место верховного суда и хранения казны Великого Новгорода; все это вместе придавало особенную важность и требовало помощи и благословения свыше Детинцу, называемому часто просто городом³⁸.

За пределами Детинца простирался город Новгород – город в нынешнем смысле слова, разделенный на «концы». На Софийской стороне полукружием около Детинца располагались три «конца»: на юге Людин конец, или Гончарский, на западе Загородный конец,

³⁸ См.: Каргер М. К. Новгород Великий. Л. – М., 1966.

а на севере – Неревский. Ближайшая часть города к Детинцу называлась Околоток. На Торговой стороне было два «конца»: на юг – Славенский, на север – Плотницкий.

Названия «концов» указывают несколько на древнюю историю города. Так, Славенский, вероятно, был древним местом поселения славян ильменских. Названия «Гончарский» и «Плотницкий» указывают на древние занятия жителей Новгорода гончарным и плотничным ремеслами.

Другое название Гончарского конца – Людин, должно, по-видимому, происходить от сословия людей, или людинов, в противоположность боярам и княжеской дружине. В детинцах или градах русских обыкновенно помещались князья, бояре земли и дружины – военная сила; у стен града располагался посад, где жили не входившие в число бояр и дружины и носившие общее название людей или людинов. Так должно быть и в Новгороде; и Людин конец был посадом, в древности примыкавшим к Детинцу. Название «Загородный конец» показывает, что эта часть вошла в состав Новгорода позже остальных и некогда существовала, не составляя отдел города. С точностью определить, когда именно случилось это включение, нельзя. Может быть это произошло в 1116 году, когда летопись сообщает известие, что князь Мстислав Владимирович (по прозвищу «Великий») «распространил» (то есть расширил) границы Новгорода.

Название «Неревский конец» не вполне понятно. Созвучие его с названием реки Наровы побуждало предполагать, не был ли он поселен первоначально выходцами с берегов этой реки; но это предположение не имеет достаточных оснований. Некоторые названия улиц также указывают на их древнее историческое значение. Так Волосова улица в Людине конце напоминает древнее божество Волоса, которому, вероятно, здесь в языческие времена происходило поклонение и где впоследствии поставили церковь святого Власия, по созвучию имени этого святого с именем языческого божества. Варяжская, иначе Варецкая, улица, в Славенском конце, названа так от близости Варяжского (Немецкого) двора, от построенной на ней римско-католической церкви и, вероятно, оттого, что там жили иноземцы, которых в Новгороде называли общим именем варягов. Особенного внимания заслуживает Прусская улица в Загородном конце, простиравшаяся от Прусских ворот Детинца до Прусских ворот во внешнем вале. Эта улица была местом жительства бояр, стояла как-то особняком в истории города и нередко на нее обращалась вражда черни из всего города. Название «прусы», которое давалось постоянно обитателям этой улицы, само собой указывает на их первоначальное происхождение. Там-то, вероятно, поселились первые пришельцы прусско-варяжского племени, явившиеся вместе с князьями, и к ним-то должны относиться слова летописца о новгородцах из рода варяжского, принесших в Новгород название Руси (от варяг «бо прозвашася Русью»). Их потомки, ослабяившись, продолжали, однако, долго сознавать свое особое происхождение, сохранять память о своих предках, составлять, в известной степени, самобытную корпорацию в отношении других частей города, и, по «предковской» памяти, проявлять аристократические наклонности, вызывавшие, естественно, столкновения с массой прочего населения³⁹.

Историки считают, что федеративный дух, слагавший русские земли на правах самобытности каждой из земель в связи с другими, отпечатлелся резкими чертами на составе Господина Великого Новгорода. Каждый конец в Новгороде, как каждая земля в «удельновечевой» федерации, составлял сам по себе целое; жители назывались «кончане»: один другого считал ближе, чем жителя соседнего конца; в общественных делах, касавшихся всего Новгорода, каждый конец выражал себя своей корпорацией, во время переговоров с чужеземцами посылал от себя депутатов; следовательно, в делах, касавшихся всего Новгорода, извлял свое участие как часть, сознающая свое отдельное существование; внутри имел свое

³⁹ См.: Арциховский А. В. Городские концы в Древней Руси // Исторические записки. 1945. Т. 16.

управление, свое делопроизводство, свои собрания. Не только конец, но и улица, составляя часть конца, имела значение самобытной корпорации, – так, как в русских землях волости, на которые делились земли. Жители улицы носили название «уличане», имели свое управление, выбирали своих «улицких» старост и являлись в общественных делах членами сознательно признаваемого общества. Таким образом, несколько улиц, будучи каждая в отношении к другим до известной степени самобытным телом, все вместе составляли конец, а все вместе концы составляли Господин Великий Новгород. За неимением источников, историки до сих пор (как и в XIX столетии) не могут внятно и убедительно разъяснить (окружающим, да и себе), в каком отношении было деление по улицам к делению по сотням.

Торговая сторона, будучи, как показывает ее название, местом торговли, в то же время была местом самоуправления. В Славенском конце был Торг – средоточие торговых оборотов, и в нем же место, называемое Ярославовым дворищем (то есть местом, где некогда существовал двор Ярослава Мудрого). Здесь в разные времена построено было значительное количество церквей, и между ними стояла вечевая башня со ступенями: на ней висел вечевой колокол, созывавший народ для совещания. Здесь собиралось вече на широкой площади вплоть до берега. В окрестностях этого места были торговые дворы: немецкий, готский и плесковский⁴⁰. Таким образом Славенский конец, будучи гнездом славянского элемента в Новгороде, был до последних дней существования «республики» центром вечевой и торговой жизни. Из Славенского конца от веча шел через Волхов, прямо в Людин конец, мост, уставленный разными торговыми помещениями.

Весь этот город из пяти концов был окружен земляным валом, а за ним – рвом.

Новгородцы мало заботились о постоянной поддержке своих крепостных укреплений и обращали на них внимание тогда только, когда опасность угрожала им уже реально.

Известие о копании рва около Софийской стороны встречается в летописи под 1372 годом, когда Новгород, после разорения Торжка тверичами, опасался нашествия тверской силы. Но это был не первый в истории Новгорода оборонительный ров: вероятно, он был в это время только восстановлен, а существовал и ранее (но заброшен из-за ненужности в применении).

В 1383 году, когда ждали нападения на Новгород московского князя Дмитрия Донского, расширили и сам вал. По линии вала в некоторых местах сделаны были каменные башни или костры. В 1391 году на обеих сторонах, на Торговой и на Софийской, были поставлены «каменные костры» (надвратные башни) в конце каждой улицы, то есть в тех пунктах, где улицы доходили до вала. Конечно, в «кострах», по крайней мере в некоторых, должны были находиться ворота для выхода из города за его черту, в поле.

По всей линии сверху вала поставлен был деревянный частокол, называемый острогом. Внешняя сторона вала была во многих местах, отделяясь от вала, окаймлена натуральными протоками. За Неревским концом протекал у самого вала ручей Гзень: он поворачивал к востоку и впадал в Волхов. За Людиным концом было Жидическое озеро, или плесо. Торговая сторона была окаймлена канавой или речкой Копанью. На южной стороне за Славенским концом протекал ручей Жилотуг, сливавшийся с другим протоком – Малым Волховцем. Этот последний в значительном отдалении от вала, протекая из Волхова в Волхов же, окружал всю Торговую сторону и служил ей защитой. Ближе к валу, за Плотницким концом, протекала речка Витка. Кроме этих ручьев и протоков, Федоровский ручей протекал посреди Торговой стороны в Плотницком конце, а может быть, в древности служил ему межей со Славенским. Ручьи Гзень, Витка, Федоровский, Копань были многоводны, но из года в год утрачивали свое значение и в засушливые летние месяцы даже пересыхали. Защищенная природой Торговая сторона менее нуждалась в искусственных средствах, когда не имела их, по крайней

⁴⁰ См.: Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.

мере, до XIV века. В 1335 году часть Славенского конца была обнесена каменной стеной от Ильи до святого Павла. В 1386 году Торговая сторона была окопана валом. Быть может, это было уже восстановление прежнего вала.

Вал, огибавший Новгород на обеих сторонах Волхова, не составлял последней границы городских построек. За валом, на значительное пространство во все стороны, простирались посады, прилегавшие к монастырям, построенным около Новгорода в большом количестве. Они считались не в новгородской земле, а в самом Новгороде. Определить с точностью черту этого собственно городского пространства невозможно, но приблизительно можно предположить, что состоящим в городе считалось «пространство на Торговой стороне от Николы Липенского до Хутыня, а на Софийской – от Перыня до Пидбы». На западе Мостище, а на востоке Ковалево были крайними посадами. Нельзя также с точностью определить, где и как были расположены эти посады. Окрестности Новгорода болотисты и в сильные разливы заливались водой, за исключением высоких мест, где построены монастыри. Но иногда вода доходила и до их стен. Вероятно, посады строились на этих более удобных местах, но может быть, существовали они и там, где в настоящее время трудно предположить строения, потому что во многих местах находят свидетельства о наличии жилья. Быть может, новгородцы предохраняли себя от затопления, ставили свои избы на столпах.

Надобно принять во внимание и то, что в Средние века кругом Новгорода были леса. Так, под 1255 годом в летописи говорится, что новгородцы выстроили полк за Рождеством Христовым в поле; это место (за кладбищенской церковью), стало быть, тогда было сухо, а затем его затянуло болото. С некоторых сторон город продолжался непрерывно за валом. Так за валом у Неревского конца был посад «Зверинцы». За Людиным и Загородным концами следовали сплошные поселения, расположенные улицами, как это видно из известия о их сожжении в 1386 году. На Торговой стороне за плотницким концом, к северу, шло непрерывное поселение вплоть до Антониева монастыря. Вправо от него был большой посад, принявший в XV веке уже название конца – Никольский конец. На той же Торговой стороне были посады за валом у Воскресения на Красном поле и у Рождества. Далее: где был монастырь, там был и посад. В 1386 году двадцать четыре посада погибли в огне пожаров – на Софийской стороне: в Раком, в Коломцах, около монастырей Перыня, Юрьева, Аркажа, Пантелеймонова, Благовещенского, Воскресенского, Петра и Павла, Николы Мостищенского, Колмовского. На Торговой стороне – на Липне, на Городище, в Нередицах, близ монастырей: Ситицкого, Лятского, Кирилловского, Ковалевского, на Болотове, на Лисьей горке, в Деревяницах и около Хутынского.

«Эти посады (из них некоторые по неудобству местности могли ограничиваться несколькими избами), с дворами, рассеянными там и сям, с огородами и садами при дворах, придавали Новгороду вид огромнейшего города, которого части были в разных направлениях разрезаны между собой пустыми местами, протоками, рощами, а во время сильной весенней половоди казались выходящими из широкого озера»⁴¹.

А вот что писал о Новгороде – но уже не о географии города, а об его истории, о домонгольском ее периоде – Б. А. Рыбаков: «История Новгорода – это, во-первых, история одного из крупнейших городов средневековой Европы, а во-вторых, история необозримой страны, раскинувшейся от Балтики до Ледовитого океана и Урала. Когда впоследствии, при Иване III, Новгородская земля вошла в состав Московского централизованного государства, то сразу удвоила его размеры.

⁴¹ Костомаров Н. И. Русская республика. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова, Вятки. М., 2010. [Электронный вариант.]

Истоки новгородской истории уводят нас в отдаленное время славянской колонизации Севера, когда славяне-земледельцы медленно осваивали всю зону лиственных лесов Восточной Европы.

В своем расселении славяне долго не выходили за пределы этой пригодной для земледелия обширной области, доходившей до озер Чудского и Ильменя и докостромского Поволжья. Далее на север лежала зона безбрежной хвойной тайги, редко заселенной местным неславянским населением, жившим здесь со времен неолита и занимавшимся преимущественно охотой и рыболовством. Родовые поселки славян не заходили в эту суровую зону.

Вот именно здесь, на пограничье двух ландшафтных областей, где на протяжении сотен километров пришли в соприкосновение славянские и угро-финские племена, предки эстонцев, карелов, вепсов, коми, удмуртов, и возникла цепь древних городков, окаймлявших самые северные земли, до которых добрались в эпоху родоплеменного строя славяне. Таковы Псков и Изборск близ Чудского озера, Новгород на Ильмене, Белоозеро, Ростов. Одни возникли еще в догосударственную пору и были центрами тех или иных племенных союзов, другие же были поставлены как «новые города», как северные фактории Киевской Руси. Вероятно, к их числу и относился Новгород, возникший в IX веке. Сложение государственности на юге изменило судьбу этих порубежных городов. Русские дружинники перешагнули в IX–X веках границу двух ландшафтных зон, удерживавшую пахарей, и углубились в тайгу, открывая неведомые земли, встречаясь с различными народами и привозя в Киев вещи, изготовленные кузнецами Урала.

В поисках дани драгоценной пушниной русские доходили до Северной Двины, Белого моря, Мезени, Печоры и до самого Ледовитого океана. Меха редкостных зверей, охотничьи соколы, моржовая кость («дорог рыбий зуб») – вот что привлекало русских землепроходцев в тайгу и заполярную тундру, где «путь был зол», где они «идоша непроходными месты, яко не видеша ни дний, ни нощи, но всегда – тьма».

В летописи помещен большой список различных племен и народов, издавна плативших дань Руси; добрая половина их была связана с Новгородом или входила впоследствии в состав его владений: Чудь, Норома, Ямь, Чудь Заволочская, Пермь, Печора, Югра. Отношения с этими племенами были, как и при колонизации Ростово-Суздальской земли, сравнительно мирными. Конфликты, которые изредка возникали между новгородцами и местным населением, носили частный характер и никогда не кончались жестокими массовыми расправами и истреблением народа, как это бывало в эпоху раннего и позднего Средневековья в других странах (от Европы до Америки включительно). Местная знать вливалась в русское боярство (например, Чудин и его брат Туки).

О далеких северных связях Новгорода очень интересно рассказал летописцу боярин Гюрята Рогович [о нем – ниже] в конце XI века: «Я послал своего отрока (дружинника) в Печору – это люди, дающие дань Новгороду, – и оттуда он поехал в Югру, соседящую на севере с Самоедами. Югорцы рассказали моему отроку о том, что три года тому назад они обнаружили чудо на берегу океана: там, где огромные горы, возвышающиеся до небес, подходят к заливу океана («в лукуморя»), был услышан говор и крик многих людей... Язык их был нам неизвестен, но они, указывая на наше железное оружие, жестами просили отдать его им. И если кто-нибудь давал им нож или топор, то они взамен давали ему меха. Путь к этим горам лежит через непроходимые пропасти, через снега и леса; поэтому мы не всегда доходили туда; кроме того, мы знаем, что есть люди и еще далее на север...»

Если мы взглянем на карту побережья Ледовитого океана, то без труда определим места, о которых летописец беседовал с Гюрятой, – высокие горы подступают к «луке моря» только в одном месте, у пролива Югорский Шар, и поблизости – у мыса Русский Заворот, где отрог Урала – хребет Пай-Хой подходит к берегу залива. Земля, расположенная прямо на «полунощи» от этого русско-югорского комплекса географических названий, –

это Новая Земля. Так благодаря древним новгородцам мы узнаем о том, что далеко за Полярным кругом, на Новой Земле, в конце XI века еще сохранялся неолитический облик хозяйства и именно новгородцы познакомили эти далекие племена с новой культурой.

Следами сухопутных дорог новгородцев в северо-восточные земли являются многочисленные погосты, основанные ими для сбора дани; список их был составлен уже в 1137 году. Есть они на Северной Двине (погосты Ракунь, Усть-Емец, Усть-Вага, Тойма), и на ее притоке Ваге (Вель, Пуйте), и еще далее на восток (погост Пинега и Помоздин погост на Вычегде, близ реки Ижмы), где до сих пор живут потомки древних новгородцев, сохранившие русский костюм и обряды, но в многовековом отрыве от своей родины утратившие свой язык, — «ижемцы» говорят теперь на языке коми. Самой отдаленной колонией Новгорода была Вятская земля.

Новгородцы принесли на север земледелие, и позднее на Двине и на Ваге появилось много боярских вотчин и монастырей, двигавшихся вслед за крестьянской колонизацией из Новгородской и Ростовской земель. В своих тысячеверстных путях новгородцы часто ходили на ладьях и «ушкуях» по рекам и морям. К Югорскому Шару и Русскому Завороту [полуостров, песчаная коса (высотой 2–3 м и длиной около 45 км) на северо-западной окраине Печорской губы Баренцева моря] они, вероятно, плавали на кораблях по океану, делая в общей сложности путь в 5 тысяч километров, равный путешествию из Новгорода в Лондон и обратно. Летопись говорит о «кругосветном» плавании вокруг Европы через Киев и Новгород, Ла-Манш и Гибралтар, называя балтийско-атлантический отрезок его путем «из варяг в греки».

Сам Новгород был построен на наивыгоднейшем перекрестке торговых путей, важных как для Киевской Руси, так и для всей Северной Европы. Почти полтысячелетия он был для Руси своеобразным «окном в Европу». Одна из древних былин так описывает пути, расходившиеся от Новгорода:

Реки да озера к Нову-городу,
А мхи да болота к Белу-озеру,
Да чистое поле ко Пскову;
Темные леса Смоленские...
Широка мать-Волга под Казань шла,
Подале того — и под Астрахань...
Из-под белого горячего из-под камешка
Выбегала мать Днепра-река
Да устьем впадала в море Черное...

Из Новгорода вниз по Волхову через Ладожское озеро и Неву легко было попасть в Швецию, на Готланд или в земли балтийских славян. Из Новгорода через Ильмень и Мету попадали на Волгу и шли в Болгарию, Хазарию и далекие земли Востока. А третий путь — «из грек в варяги» — пролегал из Византии и Киева вверх по Днепру, через волоки, затем Ловатью в Ильмень и неизбежно вел в Волхов через Новгород.

В благоприятном положении Новгорода у истоков Волхова заключались противоречия его будущего: с одной стороны, Киев, «мать городов русских», всегда зорко следил за своим новым городом, и киевские князья посылали сюда наместниками старших сыновей, чтобы крепче держать эту международную пристань в своих руках. С другой стороны, удаленность от Киева, широчайшие связи с десятками могущественных и богатых стран и богатства собственной земли давали Новгороду возможность роста, усиления, а, следовательно, и независимости.

Та ранняя пора, когда городок на Волхове был далекой факторией Киева, отразилась частично в феодальном делении Новгородской земли. Обычно каждое русское княжество составляло «тьму», то есть десять «тысяч», десять военно-финансовых округов; каждая «тысяча» делилась на «сотни». Новгородская же земля составляла всего лишь одну «тысячу», делившуюся на «сотни», расположенные веером вокруг Новгорода радиусом в 200–300 километров. Значит, Киев не признавал Новгород равноправным другим частям Руси (например, Волыни или Смоленщине) и рассматривал его лишь как одну десятую часть какого-то целого (может быть, самой «Киевской тьмы»? Правда, город тоже составлял десять «сотен», то есть еще одну «тысячу», но все же до полного десятидесятичного комплекса было далеко.

Новгород расположен на берегах Волхова, недалеко от истока этой реки, вытекающей из Ильмень-озера. Древнейшее местоположение было, очевидно, на левом берегу, где стоит кремль и где в названии «Волосова улица» хранится память о языческом боге скота и богатства – Волосе (Велесе). Почти у самого озера, вне города, стоял идол Перуна, поставленный по приказу киевского князя в конце X века. Вокруг Перуна, как гласит древнее предание, горел неугасимый огонь; раскопки обнаружили вокруг идола восемь костров. Вплоть до XX века у жителей Новгорода сохранялось поверье, что, проплывая мимо Перуна, нужно бросить в воду монету, как бы в жертву древнему богу.

Левобережный древний комплекс был, по-видимому, связан с «русиными» из Киева, составлявшими гарнизон пограничной крепости. На правом берегу Волхова находился Славенский холм, связанный в большей степени с местным племенем словен.

Бурный рост города быстро привел к плотному заселению обоих берегов, соединенных знаменитым Великим мостом через Волхов, игравшим важную роль в истории города: здесь сходились на бои враждующие стороны после шумного веча, здесь бесчинствовал былинный Васья Буслаев, здесь приводились в исполнение смертные приговоры – осужденных сбрасывали с моста в волховские глубины.

Новгород XI–XIII веков был большим, хорошо организованным городом. Его кремль, выросший вдвое, был укреплен каменной стеной и включал в себя Софийский собор (являвшийся также хранилищем государственных документов) и епископский двор. В южной части кремля другой новгородский былинный герой – богатый купец Садко Сатинич – построил большую Борисоглебскую церковь.

Напротив кремля находился торг, вечевая площадь, Ярославово дворище, дворы иноземных купцов и церкви купеческих корпораций (Иван на Опоках, Богородица на Торгу, Варяжская божница). Берега Волхова были поделены на пристани и густо уставлены кораблями и лодками разных стран и городов. Судов было так много, что иногда во время пожара огонь по ним переходил с одного берега на другой.

По периферии города располагались монастыри. Юрьевский монастырь, построенный Мстиславом, возвышался, как башня, при въезде в город с юга, со стороны Ильменя, а для плывших с севера такими воротами города являлся Антониев монастырь.

Город был вымощен деревянными мостовыми, относительно которых существовал даже специальный Устав о замощении улиц.

Новгородские летописцы были более, чем их киевские собратья, внимательны к своему родному городу и постоянно сообщали читателям о жизни Новгорода. Мы знаем о городских пожарах, о грандиозных наводнениях, когда воды Волхова затопляли город и жители сидели на крышах своих хором; знаем о годах засухи и неурожаев, когда приходилось покупать жито в Суздальской земле.

Очень много для понимания истории Новгорода, его культуры и быта дали многолетние раскопки... Выявлены жилые усадьбы, улицы, дома, мастерские, боярские терема. Най-

дено множество предметов – от инструментов ремесленников до золотых печатей и тончайшего «узорочья».

Особый интерес представляют знаменитые берестяные грамоты – письма простых горожан, написанные по самым различным поводам. То это короткая просьба дать взаймы гривну, то приглашение на похороны, записка к жене с просьбой прислать чистое белье, долговые расписки, челобитные, завещания, любовные письма, стихи или избирательные «жеребья» с единственным именем на всем листе. Ни один из средневековых городов Европы не может похвастаться таким разнообразным эпистолярным фондом, который создавался ремесленниками и торговцами, домашними хозяйками и боярами.

В XII–XIII веках Новгород Великий был огромным городом, основное население которого составляли ремесленники самых разнообразных специальностей. Здесь были и кузнецы, и гончары, и мастера золотых и серебряных дел, и множество мастеров, специализировавшихся на изготовлении определенного вида изделий, – щитники, лучники, седельники, гребенщики, гвоздочники и т. п. Порой имена ремесленников попадали в летопись, а иной раз мы узнаем о них по подписям на их изделиях. Так, известны два великолепных серебряных сосуда, изготовленных, возможно, для посадников; на них есть подписи: «Братило делал», «Коста делал».

Новгородцы славились как искусные плотники, и в раскопках найдено много остатков деревянных домов и резных украшений. Целый конец Новгорода назывался Плотницким, а многие улицы долго хранили память о селившихся кучно ремесленниках: Щитная, Кузнецкая, Кожевники, Гончарная и др. Ремесло, существовавшее первоначально как работа на заказ, в XII веке все больше связывалось с рынком. По всей вероятности, наиболее богатые из мастеров торговали своей продукцией на главном торгу Новгорода, как это хорошо известно для более позднего времени.

Важную роль в жизни города играла и внешняя торговля. Новгород был связан с Киевом и Византией, с Волжской Болгарией и прикаспийскими странами, с Готландом и всей Южной Прибалтикой. В самом Новгороде были иноземные торговые дворы – «немецкий», «готский», а новгородский двор был, например, в Киеве. На городском торгу можно было купить и изделия ремесленников этого города, и продукты, привезенные крестьянами из окрестных деревень, и множество разнообразных заморских товаров из стран Востока, Западной Европы, других русских княжеств, Византии.

Выгодное географическое положение Новгорода способствовало развитию внешней торговли, которая была делом не только купцов, но и бояр, и новгородской церкви. Далекие торговые экспедиции, требовавшие оснащения кораблей и большой вооруженной охраны, сплачивали боярско-купеческие круги и выдвигали их сразу на видное место. В новгородском былинном эпосе эти далекие плаванья опозитизированы: в 1070-е годы появилась былина о плавании к Корсуню (Херсону) в Крыму, былина о Садко, богатом госте, которая очень живо рисует и быт самого Новгорода Великого в XII веке, и плавание 30 кораблей по синему морю.

Несмотря на ремесленно-торговый характер основной массы населения Новгорода, реальная власть в городе принадлежала боярам-землевладельцам, вотчины которых находились как в пределах новгородских «сотен», так и в далеких колониях – в Заволочье, на Двине и Ваге. В силу особенностей Новгородской земли боярство было прочно связано с внешней пушной торговлей, и это придавало ему большую экономическую силу и корпоративную сплоченность.

Вплоть до начала XIII века, пока у рубежей Новгородской земли не появились немецкие рыцарские ордена, Новгород не знал постоянной угрозы внешней опасности и военные резервы боярства могли расходоваться на охрану торговых караванов, тысячеверстных путей и отдаленных факторий – погостов. Важными форпостами Новгорода были Псков

и Ладога, боярство которых иногда принимало участие в политической жизни своего «старшего брата», но иногда проявляло и самостоятельность.

В Новгороде Великом постоянно кипела классовая борьба «черных людей» против бояр, ростовщиков и монастырей и борьба различных групп боярства между собой; непрерывно возрастало сопротивление власти Киева. Особенно заметно было это стремление к обособлению от Киева на ранних этапах. Оно приобретало характер общегородской борьбы всех слоев и групп, объединенных общими задачами. Наличие таких общих задач несколько отодвигало на задний план классовую борьбу, так как боярство демагогически использовало вечевые собрания, предъявляло нелюбимым князьям обвинения в том, что они «не блюдут смердов», и изображало свою борьбу за власть как общую борьбу за новгородские вольности.

На протяжении XI века новгородское боярство много раз проявляло свою волю в отношении великих князей и князей-наместников, которых Киев посылал в Новгород. Мы помним, как гордилось новгородское боярство победоносным походом на Киев при Ярославе Мудром и теми грамотами, которые закрепляли новгородские вольности в 1015 году.

В последней четверти XI века существенно изменилась летописная формула извещения о начале княжения нового князя; ранее говорили: великий князь киевский «посади» князя в Новгороде. Теперь стали говорить: новгородцы «введоша» князя себе. Летопись запестрела такими фразами: «бежа князь», новгородцы «выгнаша князя», «показаша путь» князю. Первым изгнанником оказался Глеб Святославич, выступивший против всего города в защиту епископа и, как мы помним, собственноручно зарубивший волхва. Новгородцы его «выгнаша из города, и бежа за Волок, и убиша и чудь». Это произошло в 1078 году.

Появилась новая система «выкармливания» князя. Новгород приглашал к себе юного княжича из семьи влиятельного князя и с ранних лет приучал его к своим боярским порядкам. А если великий князь пытался сменить такого вскормленника и заменить его по давней традиции своим сыном, то боярство горой вставало за своего князя. Так было с Мстиславом Владимировичем, сыном Мономаха, который с 12 лет княжил в Новгороде. По прошествии 14 лет, в 1102 году, Святополк Киевский пытался заменить его своим сыном, но новгородское посольство вступило с великим князем в великую «прю» и довольно дерзко заявило ему: «Если у твоего сына две головы, то посылай его к нам!» Мстислав остался в Новгороде и даже породнился с новгородским боярством, женившись вторым браком на дочери посадника.

Новое значение в это время приобретает и важный пост посадника, так сказать премьер-министра в боярской республике. Ранее посадник был доверенным лицом великого князя, посланным из Киева. В XII веке посадников новгородцы выбирают сами из среды наиболее знатного боярства, а в XIII веке утверждается тезис, что «новгородцы в князьях и посадниках вольны».

При Владимире Мономахе была сделана последняя попытка круто обойтись с новгородским боярством. Когда Мстислав был отозван отцом на юг, а в Новгороде остался его сын Всеволод, то боярство стало, очевидно, держать себя слишком независимо. Владимир и Мстислав совместно вызвали в 1118 году всех новгородских бояр в Киев, заставили их присягнуть на верность, а некоторых, провинившихся в каких-то незаконных конфискациях, оставили в столице и заточили. Среди заточенных был новгородский сотник, боярин Ставр. О нем была сложена похожая на былинку новелла, рисующая привольное житье боярина в Новгороде:

В Нове-городе живу да я хозяином,
Я хозяином живу да управителем...
У меня ли у Ставра у боярина

Злата, серебра стоят кованы ларцы,
Крупну жемчугу бурмицкому несть числа.

Приехав по вызову князя Владимира в Киев (как и в летописи), боярин Ставр посмеивается над киевским боярством, да и над самим великим князем. В Новгороде в эти годы строилась новая крепостная стена, заложенная еще Мстиславом в 1116 году, «более прежней», и вот новгородец иронически отзывается об укреплениях Киева:

Ой, глупые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом...
А что это за ограда во Киеве
У ласкова князя Владимира?
У меня ли у Ставра широкий двор
Не хуже будет города Киева!

Далее былина рассказывает, что Владимир, разгневавшись на хвастливого новгородца, посадил Ставра в «погребы глубокие».

Летопись ничего не сообщает о его дальнейшей судьбе, а былина-новелла вся посвящена ловким и смелым действиям Ставровой молодой жены, одурачившей князя и добившейся освобождения своего мужа.

Однако расправа с новгородским боярством ради поддержания престижа молодого князя Всеволода Мстиславича не остановила сепаратистских устремлений Новгорода. Всеволод (1118–1136) был последним князем, при котором Киев вмешивался во внутренние дела Новгорода.

Всеволод Мстиславич довольно долго выполнял различные военные поручения Новгорода, а в 1132 году, после смерти Мстислава, соблазнившись перспективой приобрести крупный удел на юге, он поскакал в Переяславль, но продержался в этом городе лишь несколько часов – к обеду его уже выгнал оттуда Юрий Долгорукий, его дядя.

Князь Всеволод вернулся в Новгород, рассчитывая, очевидно, на поддержку посадника Петрилы Микульчича и архиепископа Нифонта. Но здесь он застал необычайное брожение как в городе, так и по всей земле новгородской: боярство, по всей вероятности, в свое время заключило с ним договор о пожизненном княжении, чтобы еще раз не сталкиваться с тяжелой рукой Мономаха, как это было на втором году (1118 год) княжения юного Всеволода. Теперь новгородцы, псковичи и ладожане, собравшись все вместе, припомнили ему его обещание («хочу у вас умереть») и в наказание за легкомысленную поездку в Переяславль «выгнаша князя Всеволода из города». Однако с полпути его вернули.

Новый конфликт созрел два года спустя, когда Всеволод снова пытался ввязаться в южные дела. При обсуждении похода на Суздаль прения на вече приняли острый характер. «Почаща молвите о суждальстеи войне новгородци и убиша муж свои и вергоша с мосту».

Во время самого похода произошла смена посадников, и сторонник Всеволода Петрила был устранен. Поражение, понесенное новгородцами в битве на Ждане-горе в 1135 году, еще более обострило недовольство Всеволодом, втянувшим Новгород в эту невыгодную войну.

К бурным 1135–1136 годам, которые иногда называли даже «новгородской революцией», относятся два очень важных документа, посвященные делам купеческих корпораций. Рассмотренные вместе с летописью, они могут отчасти помочь нам в выяснении княжеской политики в последние критические годы существования княжеской власти в Новгороде.

Оба документа подправлялись потомками в XIII–XIV веках, но первоначальное ядро их предположительно можно выделить.

В 1135 году при посаднике Мирославе князь Всеволод составил «Рукописание», посвященное льготам и привилегиям купеческого братства при церкви Ивана на Опоках, построенной среди новгородского торгового центра в 1127–1130 годах. Издавая этот документ, князь, очевидно, рассчитывал на поддержку купечества.

«Рукописание» отчетливо утверждает и защищает права богатого купечества, «пошлых купцов». При церкви Ивана на Опоках учреждался совет из трех старост. Купцы выбирали двух старост, а от «житых» и «черных людей» был только один, да и то не выборный, а официальное лицо, боярин тысяцкий. Ивановскому братству давались самоуправление и суд по торговым делам, независимые от посадника. Стать членом гильдии мог богатый купец (или сын богатого купца), вносивший большой вклад – 50 гривен. В пользу Ивановского братства шли таможенные пошлины с воска, привозимого в Новгород со всех концов Руси.

Гильдия имела свой общинный праздник 11 сентября, когда из общей казны тратили (очевидно, на устройство пира) 25 гривен серебра, зажигали в церкви 70 свечей и приглашали служить в церкви самого владыку, получавшего за это гривну серебра и сукно. Праздник братства Ивана на Опоках длился целых три дня. Такие совместные праздники членов купеческих гильдий или ремесленных цехов были характерны для всех средневековых городов Европы и Востока.

Тем временем в начавшейся феодальной раздробленности и распрях князей Новгород попытался сказать свое слово в общерусской политике. Посадник Мирослав Гюрятинич ездил в Южную Русь мирить киевлян с черниговцами. Князь Всеволод, остававшийся в Новгороде, давал противоречивые рекомендации относительно того, с кем из соперников быть Новгороду в союзе.

Недовольство князем со стороны новгородских бояр возрастало одновременно с сознанием их собственного могущества. Кроме боярства и купечества в Новгороде были еще две силы, на которые мог бы положиться князь в поисках опоры для своего пошатнувшегося престола, – церковь и «черные люди».

С «черными людьми» у Всеволода были враждебные отношения, что и было ему потом поставлено в вину. Оставалась церковь, являвшаяся в Новгороде значительной экономической и политической силой. И вот создается второй документ Всеволода Мстиславича, в котором он частично зачеркивает привилегии, только что данные купечеству. Это «Устав князя Всеволода о церковных судах... и о мерилах торговых».

«Устав» был обнародован таким образом: на заседание княжеского совета в присутствии бояр, княгини и архиепископа были приглашены десять сотских, бирюч и два старосты; один из них – иванский староста Васята. В «Уставе» очерчен круг людей, подвластных церкви, и состав тех преступлений, которые подведомственны церковному суду (развод, умыкание, чародейство, волхование, ведовство, ссоры между родными, ограбление мертвецов, языческие обряды, убийство внебрачных детей и др.).

Но начинается «Устав» с того, что князь определяет, кому он вверяет суд и мерила торговые: на первом месте оказывается церковь святой Богородицы на Торгу, далее Софийский собор и епископ и лишь на третьем месте – «староста Иваньский». После уточнения некоторых экономических деталей (какие оброчные статьи получают иванский поп и сторож) говорится, что старосты и торговцы должны управлять «домом святого Ивана», «докладывая владыке», то есть дела купеческой корпорации ставятся под контроль новгородского архиепископа.

Церковь Богородицы на Торгу была заложена князем Всеволодом вместе с владыкой Нифонтом в 1135 году. Зимой Нифонт ездил в Киев – «Устав Всеволода», пожалуй, правильнее датировать началом 1136 года, когда и церковь на торгу уже была построена, и владыка вернулся из своей дипломатической поездки. Новый документ (если только он верно понят

нами) укреплял связи князя с церковью и ее влиятельным главой – архиепископом, но должен был вызвать недовольство новгородского купечества, корпоративная церковь которого – Иван на Опоках – оказалась на втором плане, а на первое место вышла новопостроенная Богородицкая церковь.

Дальнейшие события показали, что князь просчитался: 28 мая 1136 года по приговору веча (с участием псковичей и ладожан) Всеволод был арестован и вместе с женой, детьми и тещей посажен в епископский дворец, где 30 вооруженных воинов стерегли его (а заодно, может быть, и владыку?) два месяца. В июле Всеволода выпустили из города, предъявив ему обвинения: 1) «Не блюдет смерд». 2) Зачем в 1132 году польстился на Переяславль? 3) Зачем первым бежал с поля боя в 1135 году? 4) Зачем склонял к союзу с Черниговом, а потом велел разорвать этот союз? С этого времени вольнолюбивый Новгород Великий окончательно становится боярской феодальной республикой. Красочность записей 1136 года, сделанных в летописи, как предполагают, ученым, математиком Кириком, показывает события 1136 года особенно выпукло, но, как мы видели, приход новгородского боярства к власти фактически совершился раньше.

После изгнания Всеволода, нашедшего приют у «младшего брата» Новгорода, во Пскове, в Новгород был приглашен Святослав Ольгович из Чернигова. Кипение страстей в Новгороде продолжалось – то новгородцы сбросят с моста какого-то боярина, то архиепископ откажется венчать нового князя и запретит всему духовенству идти на свадьбу, то какой-то доброхот изгнанного Всеволода пустит стрелу в Святослава, то какие-то мужи новгородские тайно пригласят Всеволода опять вернуться к ним.

Когда же тайное стало явным, «мятеж бысть велик в Новгороде: невосхотеша людье Всеволода». Бояре – друзья Всеволода – или бежали к нему во Псков, и их имущество подвергалось конфискации, или платили огромную контрибуцию. Очень важно отметить, что 1500 гривен, собранные с «приятелей» Всеволода, были розданы купцам, чтобы они могли снарядиться на войну с Всеволодом.

Последние князья Новгорода являлись, по существу, наемными военачальниками. Новгород Великий в XII–XIII веках, управляемый боярами, был аренной напряженной классовой борьбы. Обособление его от власти киевского князя сказалось в том, что боярское правительство все чаще стало принимать участие в усобицах в других землях, а это сильно ухудшало положение и крестьян, и городского люда, на плечи которых ложилась вся тяжесть междоусобных войн, разорявших страну и затруднявших подвоз хлеба из более хлебородных земель.

Восстание 1136 года было далеко не единственным. В 1209 году вспыхнуло восстание против посадника Дмитра Мирошкинича. Его сокровища были разделены восставшими «по зубу, по 3 гривне по всему граду».

В 1229 году «простая чадь» Новгорода возмутилась против архиепископа Арсения и тысяцкого Вячеслава. «Възмятеся весь град», – пишет летописец и рассказывает далее, как народ прямо с веча двинулся с оружием против боярских и владычных дворов. Был поставлен другой архиепископ, и в числе его помощников оказался оружейник Микифор Щитник.

Богатый ремесленно-торговый город, столица огромной земли, границы которой терялись у берегов Ледовитого океана, Новгород на протяжении XII – начала XIII века быстро рос, развивался, расширял свои торговые связи, создавал своеобразную культуру.

Наиболее близкой аналогией Новгороду в Западной Европе является Флоренция, богатая торгово-аристократическая республика, внутренняя история которой тоже полна борьбой феодальных партий, борьбой бедных горожан с ростовщиками и патрициями.

История Новгорода не была так трагически прервана татарским нашествием, как это случилось с Киевом, Черниговом и другими городами. Новгород успешно отбил от немец-

ких рыцарей и легче, чем другие земли, перенес утверждение татарского ига, но и здесь тяжело сказывались первые десятилетия татарского владычества на Руси.

Новгород Великий играл очень важную роль в истории Руси, Западной Европы и далекого Северо-Востока, куда вместе с новгородской мирной колонизацией проникало русское ремесло и русское земледелие. Этим был подготовлен путь дальнейшего продвижения в Сибирь»⁴².

Таков был Новгород во времена истории ушкуйников...

Но это еще не все...

* * *

«Трудно в Восточной Европе найти другой город, который в течение целых столетий не подвергался непосредственному нападению и оставался в такой поразительной по средневековым меркам недосыгаемости и безопасности. Достаточно сказать, что между 1067-м (когда город был взят Всеславом Полоцким⁴³) и 1478 годом (когда произошла сдача войскам Ивана III) Новгород лишь однажды в 1169 году подвергся четырехдневной осаде коалиции князей и за все это время никем не был захвачен. Бывали, правда, нечастые случаи, когда вражеские рати приближались к городу на Ильмене и даже подходили к его близким окрестностям, но до штурма или изнурительной защиты дело не доходило. Войны обычно полыхали на границах республики, вынуждая ее на стратегически уязвимых направлениях строить форпосты».

Если у новгородцев не хватало сил остановить неприятеля на границах своего государства и он продвигался вглубь территории, то в ход шли или деньги, или дипломатические средства. Даже в самых тяжелых войнах новгородцы умело избегали трагической концовки: осады родного города⁴⁴.

От агрессивных европейских соседей Великий Новгород отгораживался пограничными заслонами, в том числе – ушкуйниками.

* * *

Известный историк А. И. Никитский писал: «Было бы несправедливо представлять себе новгородское население в целом, как преимущественно торговое»⁴⁵.

Большая часть граждан огромной Новгородской республики занималась сельским хозяйством и ремеслами. «Однако те из граждан республики, которые занимались торговлей, вели ее столь активно и эффективно, что у внешних наблюдателей складывалось впечатление о новгородцах как о нации торговцев. Вместе с тем «преимущественным, если не исключительным, центром торговой деятельности в Новгородской земле был главный город последней, сам Великий Новгород»⁴⁶.

С А. И. Никитским был вполне согласен другой исследователь новгородской средневековой истории А. В. Арциховский. Он подчеркивал: «Новгород не был городом тор-

⁴² См.: *рыбаков Б.а.* Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. М., 1982.

⁴³ Всеслав Брючславич (ок. 1029–1101) – князь полоцкий с 1044 года, единственный представитель полоцкой ветви Рюриковичей на киевском великокняжеском престоле (1068–1069). В 1067 году на берегу реки Черехи он разбил новгородское войско и занял Новгород, который был наполовину сожжен, часть горожан была взята в плен, а с новгородского Софийского собора были сняты колокола. Колокола, иконы и утварь новгородских церквей были увезены в Полоцк.

⁴⁴ *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 13; *Тулупов В. Г.* Русь Новгородская. М., 2010; *Никитин В. А.* Слава и щит Руси: Новгород Великий X–XV вв. // Богословские труды. М., 1984. Сб. 25.

⁴⁵ *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. С. 87.

⁴⁶ Там же. С. 89.

говцев, хотя историки и писатели долго изображали его именно таким городом. Населяли его не столько торговцы, сколько ремесленники, а управляли им не торговцы, а феодалы. Но, конечно, торговля имела там большое значение, и раскопки это показали⁴⁷. Археологически определены предметы, происходившие из разных русских земель, а также из разных западных и восточных стран. В слое X века найдены два больших клада серебряных среднеазиатских монет, чеканенных преимущественно в Самарканде⁴⁸. (Ссылку на «феодалов», как дань идеологии в истории, опустим.)

И все же, почему новгородская земля не стала центром земледелия?

У историка и публициста СВ. Шкунаева есть ответ на это: В. О. Ключевский, который называл историю России историей колонизации, то есть историей движения вширь, объяснял ее совершенно простым фактором: никакое интенсивное хозяйство на территории, куда волею судеб попали восточные славяне, в принципе невозможно исторически. Хоть сохой пахать, хоть плугом, хоть трактором. Оно исторически несостоятельно.

А вот что пишет на этот счет американский исследователь Ричард Пайпс: «Подобно другим славянам, русские в древние времена были пастушеским народом. И подобно им, поселившись на новых землях, они мало-помалу перешли к земледелию. На их беду области, куда проникли восточные славяне и где они обосновались, необыкновенно плохо пригодны для земледелия. Коренное финское и тюркское население относилось к нему как к побочному занятию, в лесной зоне, устремившись в охоту и рыболовство, а в степной – в скотоводство. Русские поступили по-другому. По всей видимости, сделанный ими упор на земледелие в самых неблагоприятных природных условиях является причиной многих трудностей, которые сопровождают историческое развитие России. Вот некое сравнение. Однако наиболее серьезные и трудноразрешимые проблемы связаны с тем, что страна расположена далеко на севере. Россия с Канадой являются самыми северными государствами мира. Верно, что современная Россия располагает обширными территориями с почти тропическим климатом – Крым, Кавказ и Туркестан, однако эти земли были приобретены поздно, по большей части в эпоху экспансии Империи в середине XIX века. Колыбель России – та область, которая, подобно Бранденбургу немцев и Иль у французов – находится в зоне смешанных лесов⁴⁹. До середины XVI века россияне были буквально прикованы к этой области, ибо степями с их драгоценным черноземом владели враждебные тюркские племена. В эпоху становления своего государства они жили между 50-м и 60-м градусом северной широты. Это приблизительно широта Канады. Проводя параллели между этими двумя странами, следует, однако иметь в виду и кое-какие отличия. Подавляющее большинство канадского населения всегда жило в самых южных районах страны: по великим озерам и реке святого Лаврентия, т. е. на 45-м градусе, что в России соответствует широте Крыма и среднеазиатских степей. Девять десятых населения Канады проживает на расстоянии не более трехсот километров от границы с США. К северу от пятидесятой второй параллели в Канаде мало населения и почти нет сельского хозяйства. Во-вторых, на протяжении всей своей истории Канада имела дружественные отношения со своим более богатым южным соседом, с которым она поддерживала тесные экономические связи. И наконец, Канаде никогда не приходилось кормить большого населения. Те канадцы, которым не находилось работы в народном хозяйстве, имели привычку перебираться на временное или постоянное местожительство в США. У России не было ни одного из этих преимуществ: соседи ее не были богаты или дружески расположены и стране приходилось полагаться на свои собственные ресурсы, чтобы про-

⁴⁷ См., также: Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода в исторической литературе // Новгородский исторический сборник. № 1 (11). Л., 1982.

⁴⁸ Арциховский А. В. Новгород Великий по археологическим данным. М., 1964. С. 42.

⁴⁹ Иль-де-Франс (от французского «Île-de-France», что дословно можно перевести, как «остров Франции») – регион и историческая область, состоящая из Парижа и его окрестностей.

кормить население, которое уже к середине XVIII века превышало население сегодняшней Канады».

Дальше Пайпс приводит вполне общеизвестные вещи, что период, когда возможно заниматься сельским хозяйством в Западной Европе, которую можно начать где-то с Польши сегодняшней, на 50–100 % больше по времени, которым располагает российский крестьянин для работы. Пайпс приводит данные о том, каким образом развивалось сельское хозяйство, данные по ржи (наиболее устойчивой породе зерновых), как двигалась эта урожайность в России и в Западной Европе, как уже к середине XVII века страны развитого сельского хозяйства, во главе которых шла Англия, регулярно добивались урожайности в сам-10 (а при этом было в России примерно сам-3, то есть две доли могли идти на потребление, одна – на следующий сев, что позволяло прокормить население, но не позволяло сельскому хозяйству развиваться, а крестьянам богатеть, сбывая значительную долю своего урожая).

«Подобно остальной Европе, – пишет Пайпс, – Россия в Средние века, как правило, получала урожай в сам-третий. Однако, в отличие от Запада, она в течение последующих столетий не знала резкого подъема урожайности. В XIX веке урожаи в ней оставались более или менее такими же, как в XV, в худые годы падая до сам-двух, в хорошие поднимаясь до сам-четверт и даже до сам-пят, но в среднем веками державшись на уровне сам-третей, чуть ниже этого на севере и чуть выше на юге».

В принципе такой урожайности хватало, в общем-то, чтобы прокормиться. Представление о русском крестьянине, как о несчастном создании, извечно стонущем под гнетом и гнущем спину, чтоб обеспечить себе самое жалкое существование, просто несостоятельно, – вполне объективно говорит Пайпс, – но, тем не менее, реальность не позволяла двигаться активно вперед. В низкой производительности российских полей, – опять же пишет Пайпс, – нельзя винить один лишь климат. Скандинавия, несмотря на свое северное расположение, уже к XVIII веку добилась урожайности один к шести, тогда как прибалтийские области российской империи, находившиеся в руках немецких баронов, в первой половине XIX века приносили от 4,3 до 5,1 зерна на одно посеянное, то есть давали урожай, при котором возможно накопление излишков. Другой причиной низкой производительности сельского хозяйства России помимо уже перечисленных природных факторов было отсутствие рынков сбыта. Здесь причина и следствие в своем взаимодействии влияют друг на друга. Причина порождает следствие, однако следствие затем делается самостоятельной причиной и, в свою очередь, начинает воздействовать на свою первоначальную причину. Неблагоприятные природные условия привели к низким урожаям. Низкие урожаи породили нищету. Из-за нищеты не было покупателей на сельскохозяйственные продукты. Нехватка покупателей не позволяла поднять урожайность. Конечным результатом всего этого было отсутствие побудительных стимулов к улучшению сельского хозяйства. Разорвать этот порочный круг могло лишь вмешательство каких-то внешних обстоятельств, а именно: установление торговых связей с другими странами или крупные научно-технические нововведения, – так считает Р. Пайпс.

Известно, каким образом это в России происходило. На Западе – и это опять же общеизвестный факт – богатство городов, росшее на ремесле, торговле и т. д., давало гигантский рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. В России ситуация была прямо противоположной: *«В России же города никогда не играли важной роли в сельском хозяйстве страны. И как ни парадоксально, с течением веков роль эта скорее уменьшалась, чем росла.* Еще в конце XVIII века горожане составляли всего 3 % общего населения страны. Но и эта цифра может ввести в заблуждение. Ибо горожане испокон веку состояли по большей части из помещиков и крестьян, производивших свои собственные продукты питания. Не могла Россия сбывать зерно и за границей, поскольку до середины XIX века на него не находилось внешнего рынка, появившегося лишь тогда, когда промышленно развитые страны решили,

что ввоз продовольствия обойдется им дешевле его производства. Россия стоит слишком далеко от великих торговых путей, чтобы развитая городская цивилизация сложилась в ней на базе внешней торговли».

И дальше, совершенно справедливо, на мой взгляд, Пайпс пишет, что *каждый раз, когда Россия попадала в орбиту внешней торговли – это варяги, прежде всего – был всплеск городской жизни*. Все города и Новгород здесь наиболее яркий пример – основывались и развивались либо на этом фундаменте, либо на фундаменте обороны, на фундаменте защиты от степи и были чисто военными предприятиями. А с изменением конъюнктуры менялась и роль городов. Есть известные, изученные эпохи: эпоха варягов, потом – время процветания Новгорода, который, богатея, самой историей отделялся от Москвы и превращался по существу в самостоятельное государство в государстве. И это середина XVI века, когда англичане через Северное море нашли возможность выхода на Русь. Этот импульс потух к концу XVII века. Но возникает идея колонизации, т. е. идея перехода в те места, где, истощив земледелием землю, можно получить новую, где удачная рыбная ловля, удачная охота, много строительного материала, и т. д., и т. д., и т. д.⁵⁰

Новгородцы торговали с большим размахом и успехом. Они имели связи со многими центрами международной торговли. Так, на юге Европы «в Константинополе новгородцы были постоянными гостями, как и другие русские купцы. В этом международном городе Средневековья существовала особая русская улица с лавками»⁵¹.

На севере «центром международной торговли в средневековой Европе была Балтика. Долгое время ведущее положение в торговых связях Балтики занимал остров Готланд, находившийся почти в центре Балтийского моря и в политическом отношении практически не зависимый ни от одной из Прибалтийских стран. На протяжении X–XII столетий он был промежуточной «станцией» на торговых путях Балтийского и Северного морей. Тесные торговые отношения связывали в XI–XII веках Готланд с Новгородом, что привело к образованию торговой фактории готландцев в Новгороде и гостиного двора новгородцев на острове»⁵².

Новгородцы не довольствовались достигнутым. Они постоянно расширяли свои торговые контакты.

«В XIV веке новгородские купцы достигали на своих судах берегов Дании и Фландрии, ганзейских и скандинавских городов, Англии и даже Франции. Через Владимиро-Суздальскую землю по Волге Новгород был связан с мусульманским Востоком и Закавказьем. На северо-востоке новгородцы вышли к Белому морю и Ледовитому океану. Путь «из варяг в греки», шедший по Волхову и Днепру в Черное море, надежно связывал Новгород Великий с Византией»⁵³.

С течением времени Великий Новгород, без всякого преувеличения, стал одним из крупнейших центров мировой торговли.

«О широте торговых и культурных связей новгородцев можно судить, нанеся на карту конечные пункты их путешествий с торговыми целями. На западе это будут Ипр во Фландрии, Любек в Германии, Висби на Готланде; на юге-востоке – Астрахань, на юге – Киев, на Черном море – Аккерман, Константинополь; на северо-востоке – Северный Урал. Такие отдаленные торговые связи в Средние века имела только Венеция, ганзейские же города ограничивались сравнительно узкими пределами Балтийского и Северного морей»⁵⁴.

⁵⁰ Из архива автора.

⁵¹ Тихомиров М. Н. Великий Новгород в истории мировой культуры. С. 29.

⁵² Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 4.

⁵³ Никитин В. А. Слава и щит Руси: Новгород Великий X–XV вв. // Богословские труды. М., 1989. Сб. 29. С. 77.

⁵⁴ Тихомиров М. М. Великий Новгород в истории мировой культуры. С. 204.

Да, торговля в Новгороде процветала, но историки подчеркивают: любят упрекать Великий Новгород за якобы царствовавший там дух торгашества. Однако никакого повального увлечения торговлей в Новгороде не существовало. Купцы составляли совсем небольшой процент от общего числа населения. Элита республики, бояре, были землевладельцами, подавляющая часть городского населения – ремесленниками.

И ушкуйники во времена благоприятные для торговли становились людьми просто незаменимыми.

Новгородские купцы сполна использовали выгоды, которые им представляло очень удачное месторасположение Новгорода, находившегося на перекрестке торговых путей. Разве можно новгородцев за это упрекать? Конечно, нет. Как нельзя упрекать и за то, что в их руках оказались изобильные дары новгородской земли – пушнина и воск, товары столь необходимые для людей Средневековья. Новгородские купцы занимались тем, что в их среде обитания могло принести максимальную выгоду...

* * *

В Новгороде ничто не совершалось без благословения и участия духовенства. Касалось ли это и торговли? В полной мере. Разве сфера торговли имеет нечто общее с церковью? Имеет, если коммерцией занимаются православные люди, которые ничего не делают без церковного благословения.

«Успешное развитие средневековой торговли в Новгороде находилось в тесной зависимости от покровительства и помощи Церкви, представители которой активно стимулировали экономическое развитие Новгородской республики. Торговый суд и контроль над мерами (соблюдение эталонов) были в ведении Новгородского архиепископа. Участие Церкви в контроле за правильностью торговых операций являлось лучшим залогом их успешного осуществления. Особенно значительна была роль новгородского владыки в международной торговле. Начиная с XIV века без его санкции торговые договоры Новгорода считались недействительными»⁵⁵. Иностранцы купцы очень ценили то обстоятельство, что торговля в Новгороде находилась под контролем именно архиепископа. Это делало ее более честной, предсказуемой и защищенной от политической конъюнктуры⁵⁶.

Вот так переплетались в Новгороде материальные и духовные составляющие жизни, миновать воздействие которых не могли и ушкуйники...

* * *

Но существует еще один аспект, который отмечал упомянутый выше историк и публицист С.В. Шкунаев:

«Что такое была первая, коренная территория Руси (я не собираюсь сейчас, конечно, вдаваться в это очень уж подробно)? Это был торговый путь, это был вот этот путь из варяг в греки. И – небольшие, крохотные славянские поселения, возникавшие в силу простой миграции и никогда не претендовавшие на превращение ни во что другое более сложное в плане «урбанизации». Когда этот фактор сошел на нет, то, как бы ни объяснялось, каким образом вот эти глухие леса становятся центром государства, все существующие объяснения неубедительны. Сами по себе эти места полупригодны для жизни человека в принципе, тем более, для жизни заинтересованной. Надо понимать, что эта страна, этот центр страны,

⁵⁵ Никитин В. А. Слава и щит Руси: Новгород Великий X–XV вв. // Богословские труды. М., 1984. Сб. 25. С. 290.

⁵⁶ Тулунов В. Г. Указ. соч.

он перенял путь из варяг в греки чем-то другим. Это была логика заселения местности, но не колониальная логика, ибо речь шла о пустых территориях, но это была логика абсолютно бедного центра в силу просто природной закономерности. Так существовал Новгород, который механически перенял эту модель от предыдущего периода, просто он просчитал, что торговать выгодно уже теперь не транзитно, а – иным путем. И создал богатую, процветающую республику на территории, где, собственно говоря, хлеб не растет. Там нельзя прокормить население, но, тем не менее, Новгород протянул щупальца вплоть до Урала, откуда шел мех, разнообразное природное сырье, которое позволяло быть богатым. И оно, что интересно, идет из тех мест, где вообще жить нельзя. Все это «сырье» идет, скажем, в Новгород, где тоже, на самом деле, жить нельзя и прокормиться нельзя, но за счет внутреннего транзита можно получать выгоду. На самом деле, Новгород – поселение трапперов, это поселение людей, которые не обживают там для того, чтобы там существовать. Они – добытчики, которые идут дальше и дальше. Москва, взяв Новгород – она всегда понимала источник богатства и процветания Новгорода – принимает на себя частично эту функцию, эту модель поведения, в которой государство, то есть некий центр, всегда является не производителем, а распорядителем, регулятором. Не отсюда ли идет представление о том, что естественность расселения людей, естественность физического существования, – это неглавное, а главное – это работа на интересы государства. Отсюда берут начала истоки давления на человека, на личность. И все – в интересах государства. Попадается другое население на пути, что называется, «инородцы», оно – проглатывается, оно – ассимилируется, оно – колонизируется»⁵⁷.

Государство «давило» – с одной стороны, а русский народ – с другой – и сам не сопротивлялся, а искал «легких путей». Но обвинять его в этом вряд ли стоит.

«В России вся идея была в том, чтобы выжать из земли как можно больше, вложив в нее как можно меньше времени, труда и средств. Всякий россиянин стремился отвязаться от земли, крестьянину больше всего хотелось бросить пашню и сделаться коробейником, ремесленником или ростовщиком. Деревенскому купцу – пробиться в дворяне, дворянину – перебраться в город или сделать карьеру на правительственной службе. Общеизвестная «безродность» русских, отсутствие у них корней, их бродяжьи наклонности, столь часто отмечавшиеся западными путешественниками, привыкшими к людям, ищущим своих корней в земле ли, в общественном ли положении, в основном проистекают из скверного состояния русского земледелия, то есть неспособности главного источника национального богатства – земли – обеспечить приличное существование»⁵⁸.

⁵⁷ Из архива автора.

⁵⁸ См.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.

Князь Бравлин – первый ушкуйник

До сих пор в среде исследователей нет единого мнения о том, когда появились ушкуйники, когда произошли их первые походы. Сколько исследователей, столько и мнений. Но обнаружить исходную точку, как нам кажется, все же не удастся. И всего по одной причине – из-за нехватки первоисточников, особенно тех, что создавались в X, XI или XII веке.

Вот мнение авторитетного в исторической среде исследователя:

«Первые известия об ушкуйниках появляются в начале XIV века. В основном это сведения о том, как ушкуйники вторгались в Волжскую Булгарию, которая в XIII–XV веках была самостоятельным государством, хотя и находилась в зависимости от Золотой Орды. Хан Золотой Орды поручал князьям (бекам) Булгарии сбор дани со своих подданных, а также и с некоторых русских земель в пользу Золотой Орды. Русские князья и беки Булгарии конкурировали друг с другом за право собирать дань, так как большая часть этой дани «прилипала» к рукам князей-сборщиков. По мере того, как Золотая Орда слабела, раздираемая внутренними противоречиями, все сильнее становились оба ее вассала – московское княжество и Булгария (Казанское ханство), тем больше обострялась борьба между ними. Борьба эта принимала самые причудливые формы, в том числе и форму ушкуйничества: возникали многочисленные отряды профессиональных разбойников. Со стороны русских такими отрядами были ушкуйники, а со стороны Булгарии (Казанского ханства) – казаки. И те, и другие были разбойниками и в то же время использовались и как наемники. Соперничество Москвы и Казани закончилось только при Иване Грозном в XVI веке взятием русскими Казани. Ушкуйники действительно громили и грабили булгарские города и селения. Можно подметить, что их активность возрастала в периоды ослабления Ордынского государства в 1360–1380 годы, 1391–1393 годы и в 1400–1409 годы»⁵⁹.

Все правильно, кроме одного – изначальной точки отсчета истории ушкуйников. Да, сообщения о повольниках-ушкуйниках как о явлении действительно появляются аж в XIV столетии, но анализ косвенных данных дает нам информацию о более ранней истории ушкуйничества. Мы обязаны в своем исследовании ориентироваться не только на прямые источники (летописи), но и косвенные: западноевропейские хроники, берестяные грамоты, более поздние записки и воспоминания (которые «впитывали» в себя документы предыдущих эпох), а также многочисленные гипотезы, многие из которых не просто занимательны или интересны, но и заслуживают большого внимания⁶⁰.

⁵⁹ См.: Галантин А. В. Волоки Северо-восточной Европы // Вселенная живая. Владивосток, 2009. URL: <http://jupiters.narod.ru/volok.htm>

⁶⁰ См.: Матвей Парижский. Великая хроника. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Matthew_Par/text.phtml; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях в X–XIII вв. (перевод и комментарии). М., 1987.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.